

Иван Сергеевич Аксаков

В чем недостаточность русского патриотизма

Иван Аксаков
В чем недостаточность
русского патриотизма

В прошлом году[1], в самый разгар патриотического огня, объяввшего всех Русских людей от мала до велика, без различия звания и состояния, мы осмеливались в своей газете выражать желание, чтоб это патриотическое одушевление не подавало Русскому обществу повода к самодовольству и самообольщению. Мы повторяли эту тему несчетное число раз и на всевозможные лады, мы старались, по мере наших сил, провести и водворить в сознании Русского общества ту мысль, что время и обстоятельства требуют от нас патриотизма иного качества, нежели в прежние години народных бедствий; что одного внешнего, так сказать, патриотизма, возбужденного видом внешней, грубой опасности, еще недостаточно; что есть опасность иного рода, несравненно опаснейшая; что надо уметь стоять за Россию не только головами, но и головою, т. е. не одним напором и отпором грозной силы материальной, но силой нравственной; не одной силой государственной, но и силой общественной, не одним оружием вещественным, но и оружием духовным; не против одних видимых врагов в об-

разе солдат неприятельской армии, но и против невидимых и неосязаемых недругов; не во время войны только, но и во время мира. Мы говорили, что нам страшны не Поляки, не Немцы, не ополчавшаяся на нас Европа, а полонизм, германизм, европеизм и тому подобные измы. Мы напоминали читателям, что даже 1812 год, прославивший Россию подвигами беспримерного в истории патриотизма, когда встала вся Русская земля и снова, как двести лет назад, спасла государство, даже этот год очистительных жертв и страданий народных не излечил русского общества от недуга подражательности и подобострастного подчинения нравственному авторитету Европы и именно Франции; напротив, вслед за 1812 годом влияние как французское, так и вообще иностранное усилилось до высшей степени в России 1814–1815 годов. Россия времен Венского конгресса, конечно, не похожа на Россию 1812 года, когда она

*...готовила пожар
Непобедимому герою.[2]*

Многие Русские, явившиеся истинными

Русскими при блеске Московского зарева, осветившего собой всю Русскую землю, почти не могут и Русскими-то назваться в период времени, непосредственно наступившего вслед за периодом Наполеона I. Читатели, конечно, помнят наши слова, столько раз нами повторенные, что мало быть вообще «Русским патриотом», надо быть еще Русским человеком, мало любить одну Русскую государственность, ее величие и могущество, надо любить, знать, понимать, ценить Русскую землю, Русскую народность, наконец, мало быть Русским только при больших исторических оказиях, но надо им быть и в будничное время истории, в ежедневной действительности. В самом деле, у нас многие привыкли думать, ощущая в себе искренние движения патриотического чувства — при чтении ли оскорбительных иностранных депеш, при вмешательстве ли чужеземных держав в дела нашего государства или при каком-либо другом обстоятельстве, слишком грубо и видимо затрагивающим нашу государственную честь, — что этого доказательства их русскости вполне довольно и ничего более затем

уже и не требуется. На упреки в недостатке народного самосознания в нашем обществе нам не раз приходилось слышать возражения такого рода: «А вот посмотрите-ка, какие мы Русские, какие мы патриоты в минуты опасности: сунься-ка на нас чужеземцы войной, мы все, как один человек, станем грудью за Русскую землю» и пр., и пр. Это действительно так, в этом нет и сомнения; и этим свойством нашим мы можем по праву гордиться, но этот похвальный патриотизм не мешает нам выдавать ту же Русскую землю тем же иностранцам — как скоро идут на нас не войной, а мирным набегом, и как скоро, не видя бранного вражьего стана и не слыша воинственных кликов, мы считаем возможным отложить в сторону патриотическое напряжение. Итак, одного внешнего, повторяем, государственного патриотизма еще недостаточно. В числе русских героев и патриотов нельзя, конечно, не признать Миниха, Остермана, и однако же, несмотря на их громадные заслуги Русскому государству, мы не можем назвать их Русскими, людьми Русской народности, людьми земскими. «Русским патриотом» мо-

жет быть и всякий иностранец, поступивший на Русскую службу и отдавшийся искренне и честно интересам России, но он мог бы быть таковым же патриотом и всюду, где бы водворился на оседлость и службу: благородный дух человека возбуждает его вносить любовь и душу во всякое дело, которое ему приходится совершать!.. Но тем не менее есть сферы, где таковой патриотизм иностранца оказывается несостоятельным, где необходимо быть не только Русским патриотом, а просто-напросто Русским человеком, думать и чувствовать по-Русски. Если же, однако, иностранцы, не будучи Русскими по происхождению, умеют делаться Русскими патриотами и чуть-чуть не Русскими, то что же сказать о наших Русских, которые, являясь, как и они, «патриотами» во дни народных тревог и испытаний, умеют, наоборот, во все остальное время, будучи Русскими по природе, делаться совершенными иностранцами — знать не знают, да и знать не хотят ни Русского народа, ни существенных основ, стремлений и требований Русской народности?.. Таким образом, при всей внешней цельности и единстве Рос-

сии мы расколоты сами в себе внутренне, страдаем какой-то нравственной двойственностью, и общественный духовный наш организм не может похвалиться ни цельностью, ни крепостью.

Некоторые наши публицисты обратили недавно внимание Русской публики на иностранные сказания о России, издающиеся за границей и составляющие целую литературу, на так называемый Русский вопрос, выдуман- ный и сочиненный в Европе. Они справедливо негодуют на недоброжелательство иностранцев, на клевету и ложь, расточаемые Европейской публицистикой насчет России, и указывают как на новый прием злокозненной политики Запада на попытку иностранцев раздвоить Россию, в смысле нравствен- ном, на две половины и противопоставить одну другой. В одном из недавних своих №№ «Московские Ведомости» привели любопыт- ную выписку из Австрийской газеты Wanderer, которая рассуждает, что в России есть Россия царя и Россия Русского народа, что всякие проявления последней в историче- ской жизни ознаменовывались диким фана-

тизмом и коммунизмом, что, к счастью человечества вообще и Европейской цивилизации в особенности, России Русского народа не скоро еще придется господствовать на исторической сцене и что Россия царя сама по себе могла бы не представлять опасности для Европы, если б вполне предалась ее цивилизующему влиянию. Нелепость этих немецких соображений так резко бросается в глаза, что не заслуживает серьезного разбора. Начать с того, что идея царя есть идея самая народная, которая до сих пор никоим образом, даже в теории, от идеи Русского народа отрешена быть не может и которой Русский народ остался верным несмотря на все превратности своей собственной судьбы и судьбы престола в XVII и XVIII веках. Это доказывается даже и действиями тех агитаторов, которые признают необходимым прибегать к имени царя, чтобы подвигнуть Русский народ к смутам и беспорядкам. Этот ужасный, по понятиям иностранцев, народ, заявляющий всегда себя в истории диким фанатизмом, невежеством и зверством, не поддался на преступные обольщения своих мнимых друзей именно пото-

му, что он вовсе не демократ в смысле западном, т. е. нисколько не одержим жаждой политической власти, и что для него с идеей царя связывается идея порядка, благоустройства, беспристрастия, высшего мирного правосудия. Итак, о толкованиях газетой Wanderer идеи царя распространяться совершенно излишне, но нельзя не сказать, что иностранцы не совсем не правы, когда говорят о каких-то двух Россиях. Россия, разумеется, одна-единая, однородная и цельная в своем государственном и земском составе. Ее 60 миллионов одного племени, говорящих одним языком, исповедующих одну веру, обитающих не чересполосно, а вместе, в одной общей местности, составляющих один политический организм, какая европейская страна может похвалиться таким единством? Это единство, государственное и земское, сказывается при всякой внешней опасности. Но, со всем тем, не мы ли сами, т. е. не само ли наше Русское общество вводит в постоянное заблуждение иностранцев и способствует ложному пониманию ими России, не та ли наша двойственность, о которой мы упоминали вы-

ше, сбивает с толку умнейшие головы в Европе? Может ли, в самом деле, не двоиться в глазах у всякого иностранца, когда он видит пред собой Россию на Московском пожаре и Россию эпохи Венского конгресса? Русских в пылу битв 1812 года и тех же Русских в 1815 году?.. Не должны ли поразить всякого иностранца, умеющего читать и понимать по-Русски, те напряженные усилия, с которыми иные Русские публицисты отстаивают дело Русской народности и стараются поддержать в Русских общественных сферах уважение к Русскому народу и к его началам? Кому это напоминается, кому проповедывается? Неужели той стране, которая не дальше как в прошлом году явила пред всем миром свидетельство своего единодушного патриотизма и своей земской цельности? И неужели такая страна еще нуждается в проповеди, нуждается в напоминании, что она Русская? Неужели в ней может еще быть уместно отстаивать интересы Русского народа, заботиться и беспокоиться о Русской народности? Разве в Англии есть англومانья, англофилы, разве французское направление французской газеты за-

ставит французов смотреть на это явление как на особенную заслугу или как на особенный недостаток?! Это трудно понять даже и не иностранцу. А между тем мы-то ведь знаем, что это действительно так, знаем, что нам приходится чуть ли не на каждом шагу бороться с Русскими же за интересы Русской народности, не столько внешние (они легче находят себе защитников), сколько (и даже преимущественно) внутренние и духовные. Поэтому едва ли мы вправе обвинять иностранцев, ведая, по каким противоречащим данным им приходится судить о России! Могут ли они — по Русским в Париже и вообще по той массе Русских отцов, которых они видят ежегодно у себя во всех уголках Европы,веряющими своих Русских детей иностранцам на воспитание, — могут ли они сделать какое-либо выгодное заключение о духовном и нравственном строе России? Но с другой стороны, как при той нравственной невзрачности, которой по большей части умело зарекомендовать себя Русское путешествующее за границей общество, понять оборону Севастополя, России 1812 и 1863 годов? Урок послед-

него года едва ли, однако, пройдет даром для иностранцев. Они начинают соображать, что главное — не надо затрагивать Россию со стороны ее государственной чести, одним словом, с тех сторон, с которых вопрос ясен для разума даже простого народа, которые способны разбудить дремлющего в своем логовище льва и видом внешней опасности вызвать дух патриотизма даже во всех классах нашего общества. Они начинают убеждаться, что необходимо всячески обходить этого льва, чтоб его не затронуть, — а вместо него употребить, или, по современному модному выражению нашего промышленного века, эксплуатировать в свою пользу Русское общество с его притязаниями на европеизм, с его не страшным для европейцев в мирное время, с его недальновидным патриотизмом.

Помощников в этом деле они найдут в России немало, и труды их падут на почву не благодарную!.. Впрочем, что нам за дело до иностранцев? Мы упомянули о них так только, кстати, для того, чтобы яснее и нагляднее представить в отражении иностранного зеркала, отражении, конечно, обидном для на-

шего национального самолюбия, тот действительный недуг, которым мы страдаем и который мы все еще плохо сознаем и видим. Пора перестать нам самодовольно обнадеживаться нашим патриотизмом и, так сказать, считать себя вполне нравственно-обеспеченными известной нашей способностью стоять грудью, приносить жизнь и достояние на алтарь Отечества. Пора убедиться, что эта способность несколько нас не обеспечивает в такое время, когда нет неприятельских армий, с которыми можно было бы бороться, когда груди, жизни и достояния не требуется, а требуется деятельность мыслящего, трудящегося, подвизающегося духа; когда «алтарь Отечества» ждет иных даров — гражданской доблести, любви и разумения Русской народности, наконец, талантов, которыми так богата Русская земля, но которые в ней до сих пор лежат зарыты, грубы, не обделаны и уж, разумеется, не могут быть ни разработаны, ни умножены с помощью одного внешнего патриотизма. Пора же понять, наконец, что способность патриотических жертв во время войны несколько не освобождает нас от обязанностей нрав-

ственных во время мира, и что если к 1863 году Русские из-за границы сбежали в Россию, то нет никакого нравственного основания разбежаться после 1863 года, по миновании надобности в патриотизме, из России за границу вновь и воспитывать Русских детей в Швейцарии, Дрездене, Фрибурге и в прочих немецких рассадниках Русского юношества! Пора также не очень-то гордиться своим единством и цельностью и уразуметь, наконец, что единством и цельностью мы обязаны прежде всего не Русскому обществу, а Русскому народу — этому громадному и несомненному факту единства и цельности, но что в противоположность этому внешнему или, лучше сказать, земскому единству и цельности, в противоположность нашему простому народу, мы как общество являем в себе отсутствие духовной цельности и органической силы. Оттого-то наша «интеллигенция» до сих пор так непроизводительна, оттого-то иностранцы или судят по нас о целой России, или же, видя пред собой публику и народ, воображают, что видят две разные России! Оттого-то Россия могуча и слаба в то же время. Извест-

ны слова Дидро, посетившего двор Екатерины II: *La Russie est pourrie avant d'être mure*[3], — слова чистой лжи относительно настоящей, народной России и верные лишь относительно некоторой части тогдашнего Русского общества... Известно также нелепое, до пошлости избитое выражение иностранцев, так охотно ими повторяемое, что Россия есть колосс на глиняных! ногах, тогда как именно ноги-то, фундамент ее — не из глины, а из камня и меди...

Мы со своей стороны нисколько не негодуем на иностранцев за их «клеветы и ложь» на Россию, за их попытки, обличенные недавно нашими публицистами, подорвать наше «единство и цельность». Мы, напротив того, чрезвычайно благодарны им за указание наших ахиллесовых пят, наших слабых сторон и признаем эти нападки настолько основательными, насколько мы сами, мы, Русское общество и Русская интеллигенция, подаем к тому повод. Скрывать от иностранцев разрыв образованных классов с народом, слабость народного самосознания в Русском обществе, недостаток цельности, единства духовного с

Русской землей и отсутствие органического творчества в так называемой Русской интеллигенции — скрывать это было бы совершенно напрасно; да и невозможно. Обличителем нашей неискренности в этом случае была бы сама история допетровской Русской литературы, в которой наилучшие, наиоригинальнейшие и уже бесспорно самые искренние произведения — это произведения юмора и сатиры, протестующие не против России Русского народа, а против России Российского общества, России салонов г-жи Китти и иных общественных сфер. Не скрывать, а раскрывать, напротив, для нашего собственного сознания со всей подробностью правды, недуг нашей общественной жизни — вот что теперь нам необходимо, вот в чем теперь гражданское мужество. Необходимо было бы нам отвлечь наши взоры от внешней политики к внутренней жизни, — наши симпатии от наружного вещественного нашего величия к нашим общественным силам, теперь скудным и бедным, и помнить, что, отрицая значение Русской народности, хотя бы только в науке и искусстве, не домогаясь от нее самостоятельно-

сти и самобытности в области духовной, мы недалеко уедем на нашем патриотизме, напротив, с таким чисто внешним патриотизмом ослабим, пожалуй, и единство, и цельность, и самостоятельность, внешнюю и политическую, нашего Отечества!

«День», 1864, 17 октября
Иван Аксаков

Примечания

1863.

[^^^]

У А. С. Пушкина — «нетерпеливому герою».

[^^^]

3

Россия гниет прежде, чем созреть (фр.).

[^^^]